

Ночные призраки

Тору Мотидзуки

День, начавшийся с тяжелых переживаний, закончился чувством тихого счастья подкравшегося и словно обернувшего его душу теплым шерстяным пледом в холодную осеннюю погоду. Гуляли ли они по узким деревенским улицам или горным тропкам, сидели ли за столиком и вели неспешную беседу за едой, молчали ли, наслаждаясь не требующей слов близостью – все это постепенно рушило воздвигнутые Тору вокруг себя стены, позволяя ему открыться и побыть обычным радующимся жизни человеком, хоть какое-то время не думающим о приготовленных будущим испытаниях. Так что даже завершение дня, несколько опечалившее Тору необходимостью ночевать в одиночестве в комнате старика Жонга, не смогло серьезно повлиять на общее ощущение тепла, поселившееся где-то глубоко в его груди.

А вот ночь принесла с собой неприятные сюрпризы. Тору уже несколько лет ничем не болел, если не брать в расчет легкие травмы, а тут, вероятно, воспользовавшись его ослабленным иммунитетом, простуда подкралась и нанесла подлый удар, когда японец его совсем не ждал. Ночью у него поднялась температура, принесшая с собой помимо привычных признаков тягостные кошмары, заставляющие стонать, метаться во сне, а порой и повторять вслух слова, адресованные терзающим его ночным призракам.

Он заблудился где-то в незнакомой болотистой местности и не мог найти дорогу. Ноги противно хлюпали по вязкой жиже и время от времени угрожали уйти в нее по самые колени. В какой-то момент он посмотрел в сторону и увидел хорошо знакомую фигуру своей матери, какой она была лет двадцать назад. Мать явно ждала его, протягивая блюдо с рисовым омлетом, который она часто ему готовила в детстве.

-Попробуй, я старалась для тебя. Я ведь так по тебе соскучилась. – Голос матери, несмотря на содержание слов, звучал холодно, словно принадлежал не живому человеку, а вселившемуся в его тело демону или бездушной кукле. Тору посмотрел на рисовый омлет, и ему показалось, нарисованный на нем узор кетчупом сильно напоминает кровь.

-Нет, я не буду.

-Ну и катись, куда подальше! Надеюсь, сдохнешь где-нибудь, как безродная дворняга! – Со злости мать швырнула тарелку в него, и хоть Тору успел увернуться, часть ее содержимого попала на его рукав, разъедая ткань. В ужасе он бросился прочь, а когда обернулся, за спиной уже никого не было.

Не успел он толком отойти от встречи с существом, выглядящим, как его мать, перед ним возник образ бывшего тестя, обжигающего его полным ненависти взглядом.

- Предатель! Я тебе доверял, а ты вонзил мне нож в спину! – известный политик и один из самых влиятельных людей в Токио словно выплевывал каждое слово. – И я отвечу тебе тем же.

Непонятно откуда в его руке появилась катана, которую он тут же пустил в дело. Тору резко дернулся, уходя с линии атаки, но меч все равно успел зацепить правую сторону его груди, заставляя рефлекторно прикрыть рукой рану и с ужасом наблюдать, как сквозь пальцы начинают просачиваться первые капли крови. От этого зрелища его отвлек раздающийся откуда-то издалека голос Ярецы. Тору поднял голову и обнаружил, что призрак бывшего тестя исчез. Впереди мелькнула женская фигурка, и он, надеясь, что это его любимая девушка, бросился следом, стараясь не обращать внимания на капающую на землю кровь.

- Ярецы, - дрожащий голос Тору заставить женщину остановиться и обернуться, но вместо лица той, которую он так ждал увидеть, перед ним возникло лицо его бывшей жены, глядящей на него печально и почему-то укоризненно.

- Харука? – Он не знал, чем мог насолить своей жене, с которой даже после развода поддерживал нормальные отношения. – Я что-то сделал не так?

- Этот брак душил меня, ты же знаешь.

- Но я тебя отпустил! Ты же нашла свое счастье!

Харука отрицательно покачала головой и приблизилась. Ее холодные пальцы коснулись его шеи, и Тору почувствовал, что не может шевельнуть и мускулом. Постепенно руки очередного призрака начали сжиматься, забирая у него возможность дышать. Он пытался издать хоть какой-то звук, но не мог. Понимание, что это конец, пронзило его насквозь, забирая только недавно появившуюся надежду на счастье, заставило в последний раз дернуться и открыть глаза...

Яреци Фернандез

Несмотря на то, что прошлую ночь она не спала, сон к ней никак не шел. Она сначала смотрела на потолок, потом смотрела в окно, а потом и вовсе села, согнув ноги в коленях и спрятав в них голову. Ее тревожило какое-то непонятное чувство, липкой волной подкрадывающееся к горлу, сковывающее сердце. Она пыталась понять, чем это могло быть вызвано, но никак не находила ответа. Ведь все хорошо.

Вскоре ей так сидеть надоело, и она, включив свет, увидела на тумбочке рядом со светильником несколько листов бумаги и пишущие принадлежности. Взяв один лист, она положила под него свою книжку и стала рисовать. Штрихи складывались в

линии, а те, в свою очередь, образовывали человека. У нее не было цели рисовать что-то конкретное, но уже совсем скоро она поняла, что нарисованный человечек с длинным мечом очень похож на ее Тору. Рука, готовая сделать еще несколько штрихов, замерла в воздухе. На губах появилась слабая улыбка, и она прикрыла глаза, прислонившись головой к стене. Почему-то вспомнилась самая первая встреча с ним, у огромного дуба, когда она пристала к нему с разными вопросами, чем вывела его из себя. Она хмыкнула и задумалась, как бы сложилась ее жизнь, если бы тогда она просто ушла, стоило ему только налететь на нее из-за дуба. Наверное, ничего бы этого не было. Она бы не влюбилась в него. Сидела бы себе спокойно в монастыре, развивала бы ментальную магию и другие способности. И может быть не знала бы горя. И было бы скучно.

Ей нравилась та жизнь, которую она жила до определенного момента. До, вероятно, той памятной встречи у дуба. Ведь тот вопрос про катану и последовавшая за ним реакция с вопросом "а вы с какой целью интересуетесь" и стали переломным моментом, разделившим ее жизнь на две части. Но сейчас она ни о чем не жалела. Ей было страшно, она не знала, к чему все это приведет, она боялась реакции окружающих на то, что у них огромная разница в возрасте...

От очередного потока мыслей ее прервали какие-то подозрительные стоны, доносившиеся из соседней комнаты. Она нахмурилась и открыла глаза. Положила рисунок с книгой и ручкой на тумбочку и встала со спального места. Стоны продолжались, и она, поняв, что это ей не привиделось и это действительно стонет Тору, вышла из комнаты, совершенно не стесняясь, что сейчас находится в более чем провокационном виде - в нижнем белье. Но она же не будет заходить в его комнату. Просто убедится, что ему не нужна ее помощь. И пойдет дальше спать. Она тихо постучалась в дверь.

- Тору... у тебя все в порядке? - спросила она. Ответа не последовало, как, впрочем, и тишины. Тору что-то пробормотал, и она, набравшись храбрости, открыла дверь и тихо вошла в его комнату.

Тору лежал на своей постели практически в позе эмбриона. Одеяло валялось где-то в ногах, подушку девушка сначала и не увидела, решив, что он спит без подушки. Лицо и тело блестело от липкого холодного пота. Девушка опустилась на колени перед ним и нежно тыльной стороной ладони прислонилась к его лбу. Он был очень горячим. Мужчина дернулся, что-то простонал, потом махнул рукой, задев ее по лицу, и прислонил к груди. Ладонь сжалась в кулак, немнооо царарнув кожу. Из груди вырывались болезненные стоны. Девушка нежно своей ладонью накрыла его напряженную руку со вздувшимися от напряжения венами, и закусил губу, не зная, что делать дальше. Тору снился кошмар, что подтверждалось его стонами и невнятными бормотаниями, среди которых она отчетливо услышала свое имя. Она совершенно не знала, что нужно делать, но не была уверена, что нужно будить смотрящего кошмарный сон человека. Но это был не просто кошмар, а кошмар на фоне температуры. Осознание того, что он заболел по ее вине, не стоило вчера так долго гулять по горам, заставило ее почувствовать неприятную боль в груди.

Она очень редко болела, но сейчас, держа за руку мужчину, который борется со своими призраками, и, судя по всему, им проигрывает, вспомнила, как сама однажды заболела. Была ангина с высокой температурой. И мама тогда нежно и

заботливо укутывала ее одеялом, когда ее пробирал озноб, протирала лицо влажным полотенцем, а папа рассказывал удивительные истории. Они тогда были, кажется, в небольшой деревне, где с лекарствами было проблематично.

Решив, что протирание лица полотенцем и укутывание в одеяло должно помочь, она вышла из комнаты. Взяла две пиалы, в одну положила небольшое махровое полотенчко, в обе налила воду и вернулась в комнату. Тору уже лежал на спине. Взяла одеяло, оно было влажное от пота, впрочем как и скомканная простыня, на которой он лежал, и она вскоре вернулась со своим, прихватив еще и шерстяной плед. Нужно было его как-то разбудить и заставить одеться в сухое, а лучше вообще лечь на другую постель. Заботливо укрыла Тору одеялом и стала нежно и осторожно, будто боясь причинить ему дискомфорт, протирать его лицо влажным полотенцем. Судя по тому, насколько быстро прохладное изначально полотенце стало теплым, температура у Тору была очень высокая. Чем сбивать ее и нужно ли это делать девушка совершенно не знала, но решила сначала справиться с более серьезной, по ее мнению, проблемой - с ночными кошмарами. Поэтому она, оставив полотенце на лбу, стала укутывать мужчину в одеяло, подоткнув к нему края одного, будто создавая кокон, в котором удобно и тепло, а главное спокойно и безопасно.

Тору снова дернулся и открыл глаза, а девушка, потеряв опору из-за неожиданности, буквально оказалась на нем. Но очень быстро выпрямилась и смущенно опустила глаза. Хотелось сказать так много, но почему-то слов не находилось. Она взяла с тумбочки пиалу, чтобы напоить его водой, как только он захочет пить...

- Тебе надо одеться в сухое, а еще попить, - наконец сказала она строгим голосом, протягивая ему пиалу

Тору Мотидзуки

Первым, что увидел Тору, после тяжелого пробуждения был обычный потолок деревенского дома, на который он смотрел много раз до этого, совсем не похожий на картину, должную явиться человеку после его смерти. Тору неплохо разбирался в различного рода религиях, но не мог припомнить, чтобы хоть одна из них в описании загробной жизни упоминала что-то подобное. А значит, все произошедшее недавно являлось обычным кошмаром, и сам он был жив, хотя, судя по чувству жара и ломоте во всем теле, совсем не здоров.

Тору приподнял голову, вызвав своим действием появление перед глазами черных «мушек», огляделся, насколько это было возможно в его состоянии, и обнаружил чуть ли не прилегшую на него Яреци, которая, впрочем, отстранилась еще до того, как он успел как-то на это среагировать. Сфокусировав взгляд, Тору убедился в том, что это действительно она, а не очередной призрак, пришедший его помучить, резко сел, сбрасывая с себя одеяло, и, не обращая внимания ни на моментально возникшее головокружение, адресованные ему слова или протянутую пиалу, сгреб девушку в свои объятия. Еще несколько минут назад он боялся, что уже никогда не сможет этого сделать, поэтому прижимал ее к себе, настолько крепко, насколько мог, благодаря всех известных ему богов за то, что они не стали отбирать у него жизнь, которая только начала ему по-настоящему нравиться.

Постепенно в голове прояснилось, и к Тору вернулись осмысленные звуки и ощущения. И первым, что он почувствовал, стала приятная прохлада кожи Яреци и минимум ткани, отделяющей от нее его разгоряченное болезнью тело. И если бы он находился в чуть более приличном физическом состоянии, обнаружение этого факта могло бы привести к определенным последствиям. Так что неожиданное подлое нападение со стороны простуды в очередной раз уберегло его от опрометчивых поступков.

- Теперь все хорошо, - тихо произнес Тору, нехотя выпуская девушку из объятий и любуясь практически неприкрытыми изгибами ее тела. Пожалуй, стоило даже сказать «спасибо» мучившим его кошмарам за это восхитительное зрелище, наслаждаться которым он, несмотря на жгучее желание, не планировал еще достаточно длительное время.

Яреци Фернандез

Прошло совсем немного времени между его пробуждением и тем, что он схватил её в охапку. Девушка не удержала в руках пиалу, и она опрокинулась, разливая содержимое на постель. Но сейчас это было неважно. Важным оставалось то, что Тору обнял её слишком крепко, будто боясь окончательно потерять. А ещё ей стало почему-то трудно дышать. Она зашевелилась в его объятиях, понимая, что нужно срочно что-то предпринять. Сильный жар его тела пугал. С этим тоже надо было что-то решать, причём в самое ближайшее время.

- Ты меня сейчас задушишь, Тору, - прохрипела девушка, почему-то вяло пытаясь освобождаясь из его объятий. Но ничего не получилось. Она посмотрела на Тору и заметила лихорадочный блеск в его глазах.

- Тору, ты себя как чувствуешь? У тебя нездоровый вид. Тебе надо одеться, лечь под одеяло и пропотеть, чтобы быстрее выздороветь.

Она замолчала, думая, нужно ли спрашивать о тех кошмарах, что его мучили, или подождать, когда он сам решит об этом рассказать. Судя по всему, его преследовали призраки прошлого. Он стонал на японском языке, в котором она была совсем не сильна. Она услышала только два имени - свое и какой-то женщины. Харука ведь женское имя? Бывшая жена? Что делать теперь? Хочет ли она узнать что-то о его прошлом?

Она все-таки отстранилась от его объятий и прислонила ладонь к его щеке. Хотела назвать его любимым, но слова застряли в горле. Надо что-то срочно что-то придумать, чтобы не быть назойливой. Но его кошмары, его метание по постели, стоны, давали ей понять, что вызваны они были не только температурой, но чем-то ещё более личным и неприятным. С чем надо бороться в первую очередь. Что надо лечить сначала - душу или тело? Если с телом более-менее понятно, то сможет ли она вылечить его душу? Хватит ли у неё терпения и хватит ли у него смелости рассказать о том, что его мучает? Про себя она была уверена, а вот про него нет. Иногда лучше ничем не делиться.

Тору Мотидзуки

Яреци, еще недавно пытающаяся выбраться из чрезмерно крепких объятий, начала

переживать по поводу его самочувствия, вызывая желание снова ее схватить, прижать к себе и больше не отпускать. Но понимая, что ее хрупкое тело может не выдержать столь бурных проявлений любви, Тору сдержался, пытаясь объяснить словами то, что не мог продемонстрировать действиями.

- Не переживай за меня так. Все нормально. Прости, что напугал тебя. Как ты уже догадалась, мне снились не самые приятные сны.

Тору мрачно усмехнулся. «Не самые приятные» - было еще очень мягким определением того безобразия, которое умудрился сотворить его воспаленный мозг. Последние недели он, сосредоточившись на одной молодой особе и насущных проблемах, даже и не вспоминал о людях, которых когда-то называл своей семьей. Но, видимо, он до сих пор так до конца и не проработал некоторые моменты, касающиеся прошлого, и они, пользуясь его болезненным состоянием, нашли лазейку и пробрались в его сон.

- Неужели я умудрился всем так насолить, чтобы они захотели меня убить? Я еще понимаю мать или тесть... Но Харука... Ей то я не сделал ничего плохого... Или сделал?

Тору говорил скорее сам с собой, чем с Ярецы. Сознание из-за высокой температуры снова начало замутняться и ему приходилось прилагать волевые усилия, чтобы окончательно не впасть во что-то больше напоминающее бред, чем нормальные рассуждения. Если бы он мог, то, пожалуй, постарался бы воспользоваться советом Ярецы во что-то одеться и лечь под одеяло, но сейчас у него не было ни сил, ни желания шевелиться, поэтому он просто обхватил руками колени и прикрыл глаза, стараясь унять нарастающий в голове шум.

В какой-то момент ему все же удалось получить контроль над своим телом и разумом, и он, открыв глаза и подняв голову, тихо попросил Ярецы:

- Можно мне воды? Обещаю ее больше не проливать.

Ему не нравилось, что он доставляет Ярецы новые хлопоты, но сейчас он нуждался в ней, как в самом лучшем лекарстве. Один тот факт, что она находилась рядом, заставлял его бороться с болезненным состоянием и неприятными воспоминаниями. И хоть он не хотел лишний раз просить у нее помощи, Тору приходилось признать, что хрупкая девушка стала для него настоящей опорой, поддерживающей его тогда, когда он сам уже не мог твердо стоять на ногах.

Ярецы Фернандез

- Нормально?! - Задохнулась от возмущения девушка, в очередной раз осторожно и нежно прислоняясь тыльной стороной ладони к его будто огненному и залитому потом лбу. Пот никак не хотел исчезать, да и с чего ему пропадать, когда эта коварная болезнь толлько-только захватила его тело и сознание. - Нет, Тору, это не нормально! У тебя температура зашкаливает! Тебе немедленно надо одеть что-то тёплое. И лечь спать. Иди прими душ и ложись в свою прежнюю комнату.

Не успела она озвучить свою мысль, как Тору сжался в комок, обхватил колени руками и заговорил про сон. Он сказал совсем немного, но этого хватило, чтобы

понять и вычленил основные моменты - он сделал что-то не очень хорошее. И слово "убить", само по себе являющееся жутким и страшным, накладываясь на этот кошмар ее любимого мужчины, создавало в ее понимании просто ядерную смесь, понять которую она была не в состоянии. Так же как и не была уверена, что сейчас самое подходящее время для того, чтобы слушать его откровения. Нет, она могла его выслушать, она уже давно хотела что-то узнать о нем, но ей казалось, что все-таки воспаленный болезнью мозг несколько искажает реальность. Ну не может родная мать желать смерти своему ребёнку. Не может хотеть его убить. Даже в прочитанных книгах, где у детей были сложные отношения со своими родителями, последние могли только вышвырнуть ребенка на улицу, забыть о них, порвать всякие с ними отношения, но никак не убить. Даже в сказках.

На некоторое время в комнате повисло молчание, прерываемое лишь дыханием мужчины, немного прерывистым. Яреци сидела напротив него, и от ее внимательно взгляда не ускользнула слабая дрожь. Девушка хотела сначала положить руку на его плечо, чтобы как-то утешить и поддержать, но не успела это сделать. Он попросил попить, и она, взяв пиалы и полотенце, найденное у постели, ушла на кухню. Налив воду в одну пиалу, она вернулась к мужчине, села напротив него и напоил водой, помогая удержать пиалу. А потом внимательно на него посмотрела. У неё возникла мысль, как можно попытаться помочь ему. Но для этого нужно вспомнить, как вообще выглядит ментальный щит. Настроившись на работу, она воздвигла ментальный щит вокруг своего сознания, с удивлением отметив, что это заняло совсем мало времени. Теперь можно было работать.

Она посмотрела на Тору и положила ладонь на его лоб. Заглянула в его глаза и стала думать, какую картинку ему передать. В памяти всплыло давнее путешествие с папой по Байкалу. Маму тогда не отпустили, какие-то проблемы с посольством, и она поехала с папой. Ей тогда было лет семь, и она первый раз увидела это священное озеро. И его виды ее настолько поразили, что отразились в ее памяти. Особенно прогулка на паруснике.

По синему озеру, правый берег которого не виден из-за тумана, плыл парусник, покачиваясь по волнам. Левый берег зелёный, на крутых отвесных сопках растут раскидистые мощные кедры и дубы, поражающие своей красотой и мощью. А кораблик плавно и неспешно плывет по волнам, гонимый тихим ветерком, по небу плывут облака, летают чайки, крича и камнем падая в воду за очередной добычей. Ветер ласково играет с волосами и гладит по лицу...

Это было ее воспоминание, и она стала направлять его в сознание мужчины. Она делала это первый раз, но подумала, что технология немного похожа на внушение. Синие нити энергии, содержащие эту картинку, осторожно потянулись к мужчине и нежно и очень осторожно, словно боясь причинить боль, коснулись его сознания, располагая там эти образы. Яреци не знала, сможет ли он уловить ещё дуновение ветра, это вряд ли, поэтому стала осторожно дуть на его лицо. Внешне она сохраняла спокойствие и уверенность, но внутри вся напряглась. Она не знала, как он отреагирует на это вмешательство, но ей очень хотелось, чтобы ему стало как можно легче.

Закончив это действие, она убрала руку со лба мужчины и смущенно уставилась в

пол. Вся напряглась, ожидая, что он рассердится и теперь уж точно прогонит ее.

Тору Мотидзуки

Воду Яреци принесла быстро, и, только сделав первый глоток, Тору понял, насколько сильно ему не хватало капель свежей воды, постепенно наполняющей лишенное энергии тело живительной силой. Выпив все, что находилось в пиале, Тору посмотрел на Яреци и понял, что ей в голову пришла какая-то идея, смысл которой он не мог разгадать. Девушка положила ладонь ему на лоб, заглянула в глаза, и скоро в его голове начали возникать отрывистые образы, среди которых он отчетливо рассмотрел красивейшее озеро, высокие мощные деревья и плывущий по волнам корабль. Он не почувствовал никакого вмешательства в свое сознание, но понял, что за эти умиротворяющие картины должен быть благодарен сидящей рядом с ним девушке, которая, вероятно, испробовала на нем какие-то из своих способностей.

- Красиво, - негромко произнес Тору, когда транслируемые образы исчезли. – Это где-то в России? Хотелось бы посмотреть на все своими глазами. Несмотря на свое имя, я до восемнадцати лет никуда не выбирался из родных мест, довольствуясь фантазией, книгами и рассказами бабушки и полусумасшедшего соседа, подсадившего меня на истории о самураях. По мнению родителей именно эти двое в свое время меня и испортили...

Отголоски сна накладывали свой отпечаток, снова возвращая его мысли в прошлое. Но после того, что сделала Яреци, воспоминания больше не вызвали болезненных ощущений, приходя и уходя так же легко, как и обычные бытовые мелочи.

- Спасибо за помощь, - Тору взял девушку за руку и нежно провел большим пальцем по ее запястью. – Только в следующий раз предупреждай, прежде чем сделать что-то подобное. Ладно?

Решив, что следует все же послушать советов Яреци, японец попытался встать, но, почувствовав головокружение, пошатнулся и уцепился за девушку. Он давно не чувствовал себя настолько слабым и ему было стыдно перед той, которую пообещал себе оберегать и для которой неожиданно стал обузой.

- Все мои вещи в той комнате, надо идти за ними туда. – Тору оторвался от Яреци и постарался выпрямиться и твердо встать на ноги. – А в тумбочке у старика есть лекарства. Он всегда запасается на все случаи жизни и очень радуется, если его предусмотрительность приносит пользу. Сейчас я чего-нибудь выпью, оденусь, и через пару часов все будет в порядке.

Яреци Фернандес

Кажется, все прошло успешно, и девушка облегченно вздохнула, все также не решаясь поднять на него глаза. Все-таки она зря, наверное, это сделала.

- Да, это в России. Озеро Байкал. Мне было лет семь, когда мы с папой на него поехали. Это была мечта мамы, но у неё не получилось с работой. - Мечтательно произнесла девушка, так и не решаясь поднять на него глаза. - Нас с мамой папа брал постоянно путешествовать, первый раз я полетела в Мексику, когда мне было

два или три месяца. Папа тогда хотел посмотреть на мою реакцию к перелетам. Я даже не капризничала, как мне рассказали. К сожалению. Так что я бы с удовольствием никуда бы не уезжала...

Она замолчала и все-таки робко посмотрела на него. Он взял ее за руку, и в первое мгновение ей показалось, что он её прогонит. Но его прикосновение было нежным и заставило успокоиться. Она как-то испуганно кивнула и снова опустила глаза. Потом только заметила, что сидит перед ним в одном только нижнем белье и густо покраснела, однако этого заметно не было, она надеялась на это.

Тору начал вставать, но из-за слабости, вызванной этой простудой, не удержался на ногах, опасно пошатнулся и сильно оперся на нее. Если бы она не сидела на коленях, а, скажем, на корточках, то упала бы, и Тору бы упал сверху. Она побледнела, испугавшись своих мыслей, и сглотнула.

- Нет, так не пойдёт, - покачала она головой, когда он все-таки встал на ноги. Встала следом. - Тебе, пожалуй, не стоит сейчас принимать душ. Думаю, обойдемся просто переодеванием в одежду. Пойдём, я помогу тебе дойти до комнаты.

Ей показалось, что мужчина выглядел смущенным и каким-то потерянным. Ей казалось, что она понимала его чувства. Не каждому уважающему себя мужчине хочется казаться слабым и беззащитным. Точнее она таких вообще не видела. Даже папа, получив травму ноги, не смог смириться с этим. И не принимал помощь. Она понимала, что не сможет уговорить Тору принять ее помощь. Ведь она всего лишь мелкая девчонка, которая только пять лет назад перестала играть в куклы. Чем она может помочь Тору? Ничем. От этого осознания было не очень хорошо.

- Тору, - осторожно произнесла она после некоторого молчания, - я не думаю, что эти лекарства тебе сейчас помогут. Ты куда-то спешишь, чтобы заливать в себя всякую дрянь? Подумай о своём здоровье, тебе уже не двадцать лет, чтобы так халатно относиться к здоровью! Тебе нужен покой и крепкий сон! Это поможет тебе избавиться от призраков прошлого. Я могу тебя выслушать в любое время, постараюсь поддержать, если... если ты, конечно, не считаешь меня глупым ребёнком. ..

Она вдруг резко замолчала, решив, не сказала ли чего лишнего. И снова опустила глаза в пол.

Тору Мотидзуки

Несмотря на возражения Яреци, Тору все-таки залез в тумбочку и, немного в ней пошарив, вытащил на свет что-то похожее на жаропонижающие таблетки. Он уже и не помнил, когда последний раз принимал лекарства, но сейчас не видел другой возможности максимально быстро понизить температуру, делающую его слабым и зависимым от Яреци. Причем первое его смущало намного больше, чем второе. В глубине души он признавал, что забота девушки делает его счастливее, позволяя, впервые за долгое время, почувствовать себя по-настоящему кому-то нужным.

- Я просто хочу сбить температуру, - упрямо заявил Тору, немедленно вскрывая упаковку и проглатывая одну из них. Поскольку он не удосужился запить ее водой,

во рту появился вкус горечи, а сама таблетка словно застряла в горле, вызывая неприятные ощущения, признаваться в которых он, конечно, не стал.

- Я в курсе, что мне давно не двадцать. – Очередная отсылка к его совсем не юному возрасту вызвала раздражение, напоминая то, о чем он очень не хотел вспоминать. – И спать я пока тоже не готов. Пробовал, мне не понравилось.

Высказавшись, Тору подумал, что его слова могли прозвучать слишком резко, а потому приблизился к девушке и, демонстрируя, что готов принять ее помощь, положил руку ей на плечи, полуобнимая и полуоблокачиваясь одновременно.

- Яреци, - он не мог оставить без внимания ее слова о глупом ребенке. – Неужели ты думаешь, что я считаю тебя ребенком? Особенно после того как я чуть было не... Хм... - Тору почувствовал как у него запершило в горле, но эти странные предположения о том, что Яреци для него еще девочка, делающие его извращенцем, явно требовали конкретных разъяснений. – Черт возьми, женщина! Да если бы ты заявила ко мне в таком виде в любую другую ночь, то уж точно не смогла бы уйти до утра, потому что я бы...

Тору резко замолчал и повернул голову в противоположную от Яреци сторону, чтобы случайно не встретиться с ней взглядом. Сейчас он показал себя не лучше, чем тот самый Максим, склюй его печень вороны, которого она недавно упоминала. Но что поделать, было бы откровенной ложью утверждать, что он не думал ни о чем подобном и собирался вечно довольствоваться объятьями и поцелуями.

- Пойдем, - Тору первым двинулся в сторону своей комнаты, ставшей для Яреци временным пристанищем. Стоять долгое время ему было тяжело, и он хотел как можно быстрее разобраться с насущными проблемами и уже к чему-нибудь прислониться.

Яреци Фернандез

Пока мужчина копался в тумбочке, она стояла рядом, надеясь, что если что-то пойдет не так, то сможет хотя бы протянуть ему руку помощи. Ей не нравилось, что он её не слушал, хотя другого она и не ожидала. Все-таки она еще девчонка, которая и жизни-то не видела. Так почему она решила, что может ему что-то советовать?

Он быстро принял таблетку и посмотрел на девушку. От его раздраженной речи на ее слова в душе разыгралась целая буря эмоций, но она постаралась остаться спокойной, хотя это сделать было тяжело. На глазах застыли предательские слезы, но Тору, почти сразу после своей речи решил воспользоваться ее помощью. Она положила его руку себе на плечи, и одной рукой обняла его за талию. Она не стала ничего отвечать на его дальнейшие слова, только густо покраснела, когда он прокомментировал ее неподобающий вид. В любой другой бы ситуации она, конечно, надела на себя что-то, но сейчас она настолько сильно испугалась за него, то мысль одеться в нормальную одежду не возникла. Говорить что-либо совсем не хотелось, и она не знала, что с ним делать дальше. Развести на разговор о ночных кошмарах, покопаться в его душе? А что потом? Что делать, если что-то пойдет не так, как должно? Что ей нужно будет делать? Или просто сейчас помочь ему дойти

до комнаты, одеться самой и уйти на кухню, чтобы меньше привлекать к себе внимания? Какой способ будет правильный, чтобы сохранить нормальные отношения с ним?

Они дошли до комнаты, и девушка отстранилась от него. Постояв некоторое время в комнате в раздумьях, она вздохнула.

- Я поставлю чайник, заварю чай. Если не хочешь спать, то пойдем на кухню, - она очень хотела сделать свой голос нормальным, но он предательски дрожал от страха, что она в очередной раз делает что-то не то. А вдруг ему сейчас совсем не это нужно было? Вдруг она должна остаться?

Перед тем, как выйти из комнаты, она взяла свои джинсы и джемпер. Как-то было бы неправильно, останься она в одном нижнем белье рядом с одетым мужчиной. И, не дожидаясь его ответа или реакции, она покинула комнату. Быстро оделась и пошла на кухню, понимая, что все-таки делает что-то не то. Возможно, ей нужно было поговорить с ним, может он нуждался в ее помощи и поддержке, а она просто пошла у него на поводу, разрешив ему выпить лекарства и делая так, как он хочет. Что же, некоторые мужчины любят кротких. Но она попробует помочь ему справиться с кошмарами. Она не хочет, чтобы её любимый мужчина страдал.

Она поставила на плиту чайник и встала к окну, прислонившись к холодному оконному стеклу лбом и облокотившись руками о подоконник. Она вдруг почувствовала что-то непонятное, это ощущение она еще никогда не испытывала, и оно было связано с любимым человеком. Она покраснела до кончиков ушей, когда поймала себя на мысли, что хочет быть с ним. Хочет его обнимать, засыпать с ним, просыпаться. Хочет его оберегать, дарить ему тепло домашнего очага и уют. Чувствовать его поддержку и заботу. Но она боялась. Вдруг у неё ничего не получится, вдруг ему не понравится? Вдруг они расстанутся? Папа же убьет его, если узнает. А ведь держать в тайне не получится...

Чайник засвистел, возвращая ее в реальность, а Тору так и не вышел из комнаты. Сняв чайник с плиты и поставив его на подставку, она подошла к комнате и робко постучалась в дверь.

Тору Мотидзуки

Не успели они дойти до комнаты, как Яреци тут же от него отстранилась, вынуждая рассчитывать только на крепость своих ног. И пока он привыкал к новым ощущениям в теле, девушка, к его глубокому сожалению, оделась и ушла на кухню. Печально посмотрев ей вслед, Тору сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, собрался с силами и полез в свои вещи, разложенные в хаотичном порядке по массивной старой тумбочке. Штаны и свитер, вытащенные на свет, выглядели такими же помятыми, как и он сам. И, медленно натягивая их на себя, японец дал себе обещание, в ближайшее время разобраться со своим здоровьем, привести себя в порядок и, наконец, предстать перед Яреци в приличном виде, позволяющем ему хоть сколько-нибудь соответствовать ее молодости и красоте.

Израсходовав остатки сил на процесс облачения себя в одежду, Тору уселся на пол там же где стоял и прикрыл глаза, прислушиваясь к тому, что происходило на кухне.

Пока девушка возилась с чайником у него была возможность подумать о том, насколько она в своей живости, непосредственности и эмоциональной открытости не похожа на всегда сдержанную Харуку, не пролившую на его памяти ни одной слезинки. Даже в те моменты, когда он замечал плещущуюся в ее глазах боль. Это отсутствие контакта постепенно разъедало их с виду благополучный брак, заставляя его чувствовать себя никчемным мужем, не способным позаботиться о своей женщине.

-Что ты скребешься, заходи. – Услышав робкий стук в дверь, Тору не смог сдержать улыбки. Пожалуй, после эмоционально очень тяжелых отношений с бывшей женой, появление в его жизни столь светлого и искреннего создания, как Яреци, можно было назвать настоящим подарком судьбы. – Если что, я одет. Хотя ты и так уже практически все видела.

Дождавшись, пока девушка войдет в комнату, Тору окинул ее полным нежности взглядом и указал на место рядом с собой.

- Посиди со мной немного. Я действительно сейчас не смогу уснуть. Мне давно не снились кошмары, а этот был настолько ярким, что очень не хотелось бы в него возвращаться. Я что-нибудь говорил во сне?

Тору понимал, что если и бормотал, находясь в забытьи, то делал это на японском, которого Яреци не знала. Но он мог называть имена, способные вызвать у девушки некоторые вопросы. И боясь, как бы она не придумала себе чего лишнего, Тору решил сразу разъяснить все сомнительные моменты, пока те не начали превращаться в проблему.

Яреци Фернандез

Она вздохнула и открыла дверь, тихо проходя в комнату. Тору сидел на полу, на этот раз он был в одежде. Помятость джемпера оставляла желать лучшего, однако сейчас это было неважно. Сейчас главное его поднять на ноги, чтобы он оправился, а потом уже можно будет делать всё остальное. И разбирать его одежду, если он позволит. Ведь это слишком личное и даже в каком-то роде интимное, поэтому всё такое казалось ей слишком неправильным. Ну, то есть скорее всего он не разрешит ей заниматься с его одеждой, приводить в порядок его вещи, создавать уют в его жизни.

Он попросил её сесть рядом с ним, и она кивнула.

- Да, конечно, я побуду с тобой. Столько сколько потребуется, лю... Тору, - она быстро поправилась и отвела от него глаза, боясь не его реакции на свою практически отговорку, а скорее своего языка. Она снова ляпнула, точнее почти ляпнула, и не подумала перед этим. - Если ты подождёшь немного, я тебе принесу чай. Тебе надо попить.

И снова не дожидаясь его ответа, она очень быстро вышла из комнаты. Руки дрожали, и она пролила кипяток на стол, рассыпала чай, но справилась с этой непосильной задачей. Поставила заварочный чайник и две пиалы на поднос, подумала, что скажет по возвращении хозяин дома, который так любезно

предоставил Тору жилплощадь, на всё это безобразие, творившееся в эти дни, когда Яреци наконец-то узнала, что с Тору всё в порядке. Да ничего с ним не в порядке! Ему плохо, страшно, одиноко. Но он хотя бы жив. Всё остальное можно вылечить.

Через две минуты она вновь вошла в комнату и поставила поднос на тумбочку, поверх листов и маленькой книжки. Включила светильник и посмотрела на Тору. В глазах всё ещё был лихорадочный блеск, лоб был покрыт потом. Она села рядом с ним и положила руку на плечо, но потом провела ладонью по его руке и накрыла своей маленькой аккуратной ладошкой его ладонь. В отличие от лапы Максима у Тору были достаточно изящные ладони с длинными тонкими пальцами. Прямо как у аристократов.

- Ты что-то бормотал. Я услышала своё имя и... Харука - это твоя жена? Ты... когда ты только очнулся, то сказал ужасные вещи. Почему тесть и мать тебя хотят убить? Но мать почему тебе желает смерти? Ты... ты ведь не просто так ушёл из дома? Ты поссорился с родителями? Они не хотели, чтобы ты сам выбрал свою дорогу? Или... или ты сделал что-то плохое, и тебя выгнали из семьи? - Спросила она, глядя на него, но на последних словах убрала ладонь с его руки и вздрогнула и побледнела. - Я... я наверное лишнее ляпнула? Прости...

Тору Мотидзуки

Несмотря на обещание Яреци побыть с ним рядом, она снова сорвалась с места и убежала делать чай, хотя Тору ее об этом совсем не просил. Сейчас он больше всего хотел, чтобы она перестала носиться туда-сюда и просто села на том расстоянии, чтобы он в любой момент мог ее коснуться, почувствовать нежность ее кожи и насладиться тонким ароматом волос, убеждаясь, что все происходящее не сон, а прекрасная реальность.

Наконец, Яреци вернулась с подносом, водрузила его на тумбочку, и все-таки оказалась там, где ей было самое место – у него под боком. Неожданное прикосновение к его плечу заставило тело покрыться мурашками, напоминая, что и в самом плачевном состоянии, даже минимальная близость с девушкой вызывает у него ответную реакцию. Но, не испытывая по этому поводу никаких душевных терзаний, Тору воспользовался последовавшим вскоре за этим касанием их ладоней и перевил свои пальцы вокруг пальцев Яреци, лишая ее возможности убрать от него руку.

А затем последовали вопросы, и их было так много, что Тору запутался, не зная, на какой из них отвечать в первую очередь. Но для себя он точно решил, что скрывать от женщины, которую он хотел бы назвать своей, факты, касающиеся его биографии, создавая тем самым почву для последующего недопонимания, он не станет.

-Успокойся. Мне понятно твое любопытство, и я не буду тебя за него выгонять или есть. Не знаю, что ты там уже успела себе напридумывать. Разве что разок укушу в воспитательных целях. – Высказав подобную полуугрозу – полушутку, Тору пришел к выводу, что ему начало становиться легче, раз в его голову стали закрадываться такие сомнительные идеи, которые он не смог удерживать при себе.

- Ты права. Харука – это моя бывшая жена. Во сне я искал тебя, а встретил ее, и она была мне не рада. – Тору непроизвольно коснулся свободной рукой своей шеи, вспоминая, как на ней сжимались холодные пальцы женщины, давно перешедшей для него из членов семьи в просто хорошие знакомые.

- Мать бы, конечно, не стала меня убивать. Она просто не хочет меня видеть. Я не оправдал ее надежд и, уйдя от жены и бросив блестящую карьеру, в каком-то смысле опозорил семью. Мы уже много лет не общаемся.

-А вот бывший тесть, вероятно, не отказался бы от возможности меня, по крайней мере, покалечить. Понимаешь, он хотел, чтобы я стал кем-то вроде его преемника, поскольку у него нет своего сына. Он сам меня выбрал в мужа для дочери, а я не только разрушил все его планы, но и, по его мнению, испортил его идеальную послушную дочь, которая уехала в Германию, чтобы строить там карьеру и, в итоге, вышла замуж за немца. В последнем моменте тоже почему-то оказался виноват я, а поскольку мой бывшей тесть очень влиятельный человек, работу по специальности в Японии мне больше не найти.

Тору не знал, удовлетворил ли он любопытство Яреци или вызвал своим рассказом еще больше вопросов, но, пожалуй, ему стало немного легче. Он никогда ни с кем не говорил на эти темы, и был благодарен сидящей рядом с ним девушке за появившуюся, наконец, возможность высказаться.

Яреци Фернандез

Она переплела пальцы своей руки с его пальцами и сидела, опустив голову и слушая каждое слово. Она не перебивала, не задавала вопросов, но ей стало казаться, что после этого Тору стало немного легче. Она не могла сказать это со стопроцентной уверенностью, но очень надеялась, что кошмары его больше не будут мучить. Рассказ его был тяжёлым, особенно та его часть, что касалась тестя. Она даже не знала, как это прокомментировать, поэтому просто молчала.

Когда ей показалось, что молчание слишком затянулось, она осторожно расплела хитросплетение их пальцев и положила обе руки на его плечи, стараясь обнять его, но не слишком сильно и крепко. Самой было страшно от всех своих мыслей. Она хотела его целовать, потом вдруг в мозг залетела совсем безумная мысль, заставившая её вздрогнуть и побледнеть, - она хотела, чтобы он лишил её девственности. Она первый раз думала об этом, и ей стало страшно. Как же избавиться от этого? Убежать, отстраниться, остаться с ним рядом? Что делать, чтобы такие мысли никогда больше не посещали её мозг? Ведь это неправильно. Нельзя пользоваться плохим состоянием мужчины, провоцируя его на эти ужасы... Вчера он напился, и она воспользовалась его состоянием. Сегодня он простужен и напуган своими кошмарами. Страшно представить, что может произойти завтра... а ведь они сегодня совсем не пили. А ещё она с огромнейшим огорчением поняла, что становится такой же, как некоторые её одноклассницы. Включают обаяние, и всё, мужчина поддается на их соблазн. Нет, никак нельзя об этом думать.

- Ты... всё ещё любишь её? - вырвался вопрос, и она горько вздохнула. Что он там хотел - укусь её? Пусть кусает... - Я... я ничего себе не придумывала, мне просто

было интересно, что за сны тебя тревожили. И я рада, что ты смог поделиться тем, что тебя беспокоит. Я... - Она осеклась, с огорчением вздохнув из-за того, что в очередной раз несёт какую-то ересь. - Я думаю, что тебе станет легче. Я хочу, чтобы тебе стало легче. Но... может не всё так плохо, и тесть не хочет тебя поколотить? Брак по расчёту - это ужас ужасный, я вообще не понимаю таких людей... - она вспомнила некоторые мексиканские сериалы, которые очень любили смотреть ее одноклассницы. - Если она счастлива в браке за немцем, то... может тебе стоит отпустить ее...

Она замолчала, решив не комментировать ту часть про то, что ему больше не светит работа в Японии. Тяжело, наверное, жить без дома, без друзей, без врагов. Она должна ему помочь стать счастливым человеком...

Тору Мотидзуки

Яреци слушала его, не перебивая и не задавая вопросов, за что Тору был ей очень благодарен. Но когда, после окончания его рассказа, девушка не произнесла ни слова, он немного занервничал, гадая, какой эффект на нее произвела его невеселая история. Тем временем Яреци вместо слов перешла к действиям, положив руки ему на плечи и пытаясь передать что-то, что не могла или не хотела выразить при помощи речи. Что-то в ее взгляде показалось Тору странным, но при всем своем желании, он не мог забраться девушке в голову и понять, что же ее тревожит. Поэтому решил сделать единственное, что был сейчас в состоянии – покрепче ее обнять.

Но не успел Тору воплотить свою идею в жизнь, как в его сторону полетел вопрос, подобного которому он боялся, когда решился упомянуть свою бывшую жену.

- Люблю ли я? Конечно. – Начал Тору, прерывая поток слов Яреци. – Но мне казалось, ты уже давно должна была понять кого.

Он все-таки прижал к себе девушку и, коснувшись губами ее виска, прошептал:

- Тебя, дурочка. Я уже давно отпустил свою жену и не собираюсь вмешиваться в ее жизнь. Я рад, что она нашла счастье, которое не смог дать ей я. – Тору решил пока умолчать, что поддерживает дружеские отношения с Харукой и благодаря ее помощи имеет возможность публиковаться в Германии, поскольку не знал, как Яреци со своей эмоциональностью и подозрительностью отреагирует на эту информацию. – И на тестя мне плевать. Меня вообще сейчас мало чего волнует, если оно так или иначе не связано с тобой.

Подтверждая сказанные слова, Тору уже было потянулся, чтобы начать ее целовать, но, вспомнив о своем не слишком потребном состоянии, с сожалением остановился. Решив довольствоваться малым, он устроил девушку поудобнее в своих объятиях и начал гладить по голове, время от времени запутываясь пальцами в ее длинных темных волосах. Ему оставалось утешать себя тем, что он скоро поправится и обязательно наверстает упущенное за дни болезни...

Яреци Фернандес

И снова ей показалось, что ее предположения вызвали его раздражение. Она закусила губу, стараясь сдержать очередной поток слез, готовых вырваться наружу.

Она опустила голову и шмыгнула носом, думая, что теперь делать. Но он ее обнял, поцеловал в висок, в очередной раз заставляя почувствовать какую-то неприятную боль где-то в груди. Страх, что все это происходит слишком быстро, липкой волной распространялся по ее телу, и от этого никак нельзя было избавиться. Ведь если это произойдет, то... никто это не оценит.

Он сказал, что любит ее, и от этого стало теплей на душе. Какие-то страхи развеялись, появилась хоть малюсенькая надежда на счастливый дальнейший мир. Она устала бояться, что сделает что-то не то или скажет очередную глупость в его адрес, ожидая его раздражения или гнева.

- Я... я тоже тебя люблю. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Ты ведь будешь счастлив, любимый? - Она посмотрела в его глаза и нежно прислонилась губами к его лбу. Температура потихоньку спадала. Шея пока еще была горячая, но это, наверное, было из-за теплой одежды.

Она посмотрела в его глаза. В них все еще плескалось какое-то смутение от кошмара. Она снова поцеловала его, на этот раз в щеку. Хотела в губы, но побоялась, что это спровоцирует на что-то не очень хорошее, но логичное.

- Я думаю, тебе надо поспать. Сон тебя исцелит. Я обещаю посторожить твой покой. Я... не отказывайся, прошу тебя, от моей помощи. Не бойся, к тебе больше не вернутся кошмары. Я... буду рядом... отгонять твоих демонов.

Совсем недавно Тору ее успокаивал песенкой, и ей стало легче. Она хотела ответить ему тем же. Она должна подарить ему счастье. Она не хочет, чтобы кто-то страдал. Она крепко-крепко его обняла. Положила подбородок на его плечо и стала тихо на ухо напевать первую песенку, пришедшую на ум. Это была серенада Трубадура, которую ей в детстве часто пели воспитатели в садике, если она чего-то боялась. И сейчас, напевая песню, она надеялась, что это поможет и ее любимому успокоиться и хоть немного поспать...

Тору Мотидзуки

То ли признание Яреци и нежные прикосновения ее губ обладали лечебным эффектом, то ли начала действовать таблетка, но Тору почувствовал, что ему стало заметно лучше. Температура постепенно спадала, оставляя после себя слабость и некоторую сонливость, но Мотидзуки не был уверен, что готов сейчас поддаться на провокации со стороны организма и уснуть. Тем более что ему хотелось продлить момент близости с любимой женщиной настолько, насколько это было возможно.

- Если все продолжится в том же духе, конечно, я буду счастлив. – Тору не мог оставить без внимания заданный ему вопрос, решив не только на него ответить, но и высказать то, что накопилось и требовало быть облаченным в слова. - Спасибо тебе, Яреци. За то, что среди множества достойных мужчин выбрала такого старого дурака с отвратительным характером, как я, и за то, что одним своим существованием делаешь мою жизнь светлее.

Как бы Тору ни старался задержать время хоть на несколько минут, его тело начало предательски требовать сна, словно соглашаясь с советами девушки. Уцепившись

за ее обещание быть рядом и отгонять кошмары, японец перебрался на спальное место, устроился поудобнее и указал девушке на место около него. А дождавшись, пока она окажется рядом, Тору неожиданно «захлопнул расставленную им ловушку», схватив Яреци, увлекая ее за собой и помещая в свои объятия.

- Не волнуйся, я ничего с тобой не сделаю. – Тору решил впервые, пусть и в прямом смысле этого выражения, разделить с Яреци одну постель на двоих, надеясь, что это поможет ему если уж и видеть сны, то только приятные. – Я просто хочу обнимать тебя, пока не засну.

Тору крепче прижал к себе девушку, почувствовав себя, как и обещал недавно, абсолютно счастливым, прикрыл глаза и постепенно погрузился в глубокий спокойный сон. Кошмары его больше не мучили, и пусть на утро он не излечился от простуды, эта напасть, хоть он не забывал дисциплинированно капризничать и ворчать, доставляла ему, благодаря заботе Яреци, больше радости, чем хлопот.

Яреци Фернандез

Как хорошо, что ночью не видны изменения цвета кожи лица. Яреци уже даже не считала, сколько за эти минуты, самые приятные и счастливые минуты своей жизни, покраснела и побледнела. Она всегда была робкой и застенчивой, иногда была кроткой. И всегда мало говорила, предпочитая слушать. Потому что верила, что говорунгов много, а слушателей почти не осталось. Иногда лучше просто молча выслушать, оставив все сказанное без комментариев, чем что-то говорить. Кто-то за это качество ее ценил, но чаще не обращали внимания. Может быть поэтому у нее не было друзей? Впрочем сейчас у нее был любимый мужчина, с которым ей было хорошо и спокойно. А что еще надо для счастья?

- Это ты-то старый? - Она нежно улыбнулась, глядя на него и не скрывая пляшущих в глазах чертиков. - Я буду с тобой, и я надеюсь, что действительно смогу сделать твою жизнь светлее.

Он лег в постель, и она только хотела укрыть его одеялом, как он предложил ей лечь рядом. Не колеблясь ни секунды, она легла рядом и позволила ему обнять себя. Вот если бы она не была одета... Так, надо гнать эти мысли. Но ведь действительно, если бы она не была одета, то чтт бы эта ночь могла принести? Хотела ли она этого? Она не могла ответить на этот вопрос.

Очень быстро Тору заснул, и она осторожно вылезла из-под его объятий. Он шевельнулся, что-то простонал во сне, но она поцеловала его в нос и ушла на кухню. Поставила вариться курицу, решив, что кесадилью она сделает потом. Сейчас нужно пить куриный бульон, чтобы поскорее поправиться. Когда курица сварилась, она вернулась к Тору и заснула крепким спокойным сном, уткнувшись носом в его плечо. А наутро она первым делом заставила его пить куриный бульон...
